

Дискуссия о дисциплинарном статусе культурологии

А.-К.И. Забулионите

Санкт-Петербургский государственный университет, факультет свободных искусств и наук, 199034, С.-Петербург, Университетская наб., д. 7-9

The discussion about disciplinary status of culturology

Audra-Kristina Zabulionite

Faculty of Liberal Arts and Sciences (Smolny College), Saint Petersburg State university, 7-9, Universitetskaya nab., St.Petersburg, 199034, Russia

e-mail: k.zabulionite@holism-culture.org

URL: <http://www.holism-culture.org/paideia/2016/discussion-disciplinarity-culturology.html>

Участие в круглом столе принимали [Contribution]: И. Б. Ардашкин (I. B. Ardashkin)¹, С. С. Гусев (S. S. Gusev)², А. К. И. Забулионите (A. K. Zabulionite)³, Э. Ф. Караваев (E. F. Karavaev)⁴, Л. А. Коробейникова (L. A. Korobechnikova)⁵, Б. И. Липский (B. I. Lipsky)⁶, Л. М. Мосолова (L. M. Mosolova)⁷, В. М. Монахов (V. M. Monakhov)⁸, В. Н. Порус (V. N. Porus)⁹, Я. А. Слинин (J. A. Slinin)¹⁰, Л. Г. Тоноян (L. G. Tonoyan)¹¹, Г. Л. Тульчинский (G. L. Tulchinsky)¹², Е. В. Виноградова (E. V. Vinogradova)¹³.

Ключевые слова: философия науки, философия культуры, культурология, гуманитарные науки, естествознание.

Keywords: philosophy of science, philosophy of culture, cultural studies, Humanities, Science.

¹ Томский политехнический университет [Tomsk Polytechnic University]

² С.Петербургский научный центр РАН [Saint Petersburg Scientific Center RAS]

³ СПбГУ, факультет свободных искусств и наук [Faculty of Liberal Arts and Sciences (Smolny College), St.Petersburg State University]

⁴ СПбГУ, Институт философии [Institute of Philosophy, St. Petersburg State University]

⁵ ТГУ, Институт искусств и культуры [Institute of Arts and Culture, Tomsk State University], Томский политехнический университет [Tomsk Polytechnic University]

⁶ СПбГУ, Институт философии [Institute of Philosophy, St. Petersburg State University]

⁷ РГПУ им. А. И. Герцена [Faculty of Human Philosophy, Herzen State Pedagogical University of Russia, St.Petersburg]

⁸ СПбГУ, факультет свободных искусств и наук [Faculty of Liberal Arts and Sciences (Smolny College), St.Petersburg State University]

⁹ НИУ ВШЭ, Москва, философский факультет [Faculty of Humanities, School of Philosophy, National Research University Higher School of Economics, Moscow]

¹⁰ СПбГУ, Институт философии [Institute of Philosophy, St. Petersburg State University]

¹¹ СПбГУ, Институт философии [Institute of Philosophy, St. Petersburg State University]

¹² НИУ ВШЭ, С.-Петербург, департамент прикладной политологии [Department of Political Science, St. Petersburg School of Social Sciences and Humanitie, HSE Campus in St. Petersburg]

¹³ Центр фундаментальной культурологии [Fundamental Culturology Centre]

А.К.И.Забулионите

Дискуссия о дисциплинарном статусе культурологии

Материалы круглого стола, прошедшего в рамках Дней Петербургской философии 21 ноября 2014 г. и посвященного памяти Ю. Н. Солонина.

Резюме: На круглом столе «Философия науки – философия культуры – культурология: взаимный интерес» обсуждались вопросы: об определении культуры и научных образах культурологии в России и других странах, о научном и дисциплинарном статусе культурологии, о соотношении культурологии и других наук, о взаимодействии культурологии и философии культуры. По указанным вопросам были высказаны разные мнения и аргументы.

Была сформулирована мысль, что определение культуры сохраняет свою актуальность и на современной стадии развития культурологии. От него зависит определение её дисциплинарного статуса (В. Н. Порус, Я. А. Слинин, Л. Г. Тоноян, И. Б. Ардашкин). Утверждается теоретический статус культурологии, её направленность на целостное понимание культуры (Л. М. Мосолова, Г. Л. Тульчинский, К. И. Забулионите), что отличает её от cultural studies (Л. А. Коробейникова). Высказано суждение, что культурология и философия культуры – разные области знания с различными проблемными полями, методами и исходными определениями культуры (Л. М. Мосолова, В. Н. Порус). В то же время была поставлена задача их сближения. Предложена идея типологического моделирования, предполагающая возможность исследования культуры в двойной перспективе: с точки зрения научной рациональности и учёта мировоззренческих горизонтов культур (К. И. Забулионите). Целостный подход к культуре невозможен в рамках противопоставления этих перспектив.

Наряду с этим, высказано мнение, что культурология остаётся областью междисциплинарных исследований, проводимых разными науками о культуре (В. М. Монахов). К ней неприменимы характеристики дисциплинарной матрицы Т. Куна (Э. Ф. Караваев). Сформулировано суждение против единой теории культуры: могут существовать различные культурологии (Б. И. Липский). В то же время сделано предположение о том, что основным методом культурологии может стать «ситуационная логика»; типологизация культурных ситуаций способна обеспечить выявление инвариантов: культурология имеет перспективу стать парадигмальной наукой (С. С. Гусев).

В заключение дискуссии участники подчеркнули необходимость дальнейшего обсуждения указанных проблем.

Audra Kristina Zabulionite

The discussion about disciplinary status of culturology

Resume: The roundtable Philosophy of Science – Philosophy of Culture – Culturology: A Mutual Interest discussed the questions of: the definition of culture and scientific images of culturology in Russia and other countries, the scientific and disciplinary status of culturology, the relationship between culturology and other sciences, the interaction of culturology and philosophy of culture. Different opinions and arguments were voiced on these issues.

The idea was formulated that the definition of culture is still relevant at the present stage of development of culturology. It depends on the definition of its disciplinary status (V. N. Porus, J. A. Slinin, L. G. Tonoyan, I. B. Ardashkin). The theoretical status of culturology was approved which focuses on a holistic understanding of culture (L. M. Mosolova, G. L. Tulchinsky, A. K. Zabulionite), which distinguishes it from cultural studies (L. A. Korobeynikova). The opinion was expressed that culturology and philosophy of culture are different fields of knowledge with different problem fields, methods and initial definitions of culture (L. M. Mosolova, V. N. Porus). At the same time a task was set for their convergence. The idea of typological modeling was given, suggesting the possibility of studying culture in a dual perspective: from the perspective of scientific rationality and accounting metaphysical horizons of cultures (A. K. Zabulionite). A holistic approach to culture is not possible within the framework of the opposition of these perspectives.

Along with this, it was suggested that culturology remains an interdisciplinary area of research conducted by other cultural sciences (V. M. Monakhov). For the characteristics of the disciplinary matrix of T. Kuhn cannot be applied (E. F. Karavaev). Reasoning against the unified theory of culture was formulated: there can be a variety of cultural studies (B. I. Lipsky). At the same time, the assumption was made that the primary method of cultural studies could be “situational logic”; classification of cultural situations could ensure the detection of invariants: culturology has promise to become a paradigmatic science (S. S. Gusev).

At the conclusion of the discussion the participants underlined the necessity for further discussion of the above problems.

Введение

Определяя основные направления круглого стола **А. К. И. Забулионите** отметила, что весь XX век прошел под знаком нарастающего интереса к культуре в разных сферах знания и философской мысли. Два десятилетия назад родилась культурология - наука, изучающая культуру как целостность и позиционирующая себя генерализатором всего гуманитарного знания. Однако возрастающий интерес к культуре не сопровождается возрастающим доверием к новой науке. Большие ожидания постепенно сменяются скепсисом: культурология как родилась, так и остается бескрайней и размытой. В свое время М. С.Каган предложил развести две области знания: «культуроведение» – очень широкую область достаточно разнообразных по природе знаний о культуре и «культурологию» – гораздо более узкую, но дисциплинарно более организованную. Возможно то, что эти области знания не были разграничены, отчасти и стало причиной дискредитации культурологии? Лет десять назад на конференции «Культурология как строгая наука» С. С. Гусев оценил состояние культурологии как находящейся на стадии прото-науки. Изменилась ли по существу ситуация сегодня? Как представляется ныне дисциплинарная структура культурологии, применимы ли к ней стандартные критерии научного знания? Участникам круглого стола был предложен ряд вопросов. *Первый вопрос:* определение «культуры» и образ культурологии. Известны разные научные образы культурологии. В университетах Великобритании, США и Канады возникли и развиваются cultural studies. Другой образ культурологии складывается в России. Иные подходы требуются в изучении культур дальнего Востока — категории, понятия, сложившиеся в европейской традиции, там не всегда продуктивны. *Второй вопрос:* о дуализме наук и научном статусе культурологии. С точки зрения Ю. Н. Солонина, дуализмом наук нередко мотивируется уход от решения важных дисциплинарных вопросов культурологии. Сам по себе вопрос о дуализме, конечно, не столь очевиден: он имеет историю обсуждения, в которой не получил однозначного ответа. Каков же статус культурологии как науки? И какова мера объективности культурологического знания? *Третий вопрос:* культурология и другие области знания. То, что культурология заимствовала методы гуманитарных наук, порождает закономерный вопрос: имеет ли культурология собственный предмет и свои собственные методы научного познания? Или ждет ее участь раствориться в итоге в разных областях гуманитарного знания? Культурология и естествознание — вопрос о соотношении этих областей познания и вовсе не определен, хотя идея о том, что образ природы формируется в культуре не вызывает особых возражений. И наконец, *четвертый вопрос* — о взаимосвязи философии культуры и культурологии. Известно, что начиная с немецкого Просвещения, прежде всего с работ И. В. Гете и И. Г. Гердера, в культурфилософской мысли все больше укреплялась идея о невозможности открыть за индивидуальным многообразием и исторической случайностью отдельных культур *общую структуру пракультуры*. «Культура» не может быть *общим* понятием, существующим в себе, как абстрактное единство некоего рода, противостоящее частным случаям. Только в многообразии культур следует искать подлинную всеобщую сущность культуры. Вряд ли возможно заниматься философией культуры не находясь на почве культурологии. Какова тогда эта вовсе не тривиальная взаимосвязь философии культуры и культурологии в дисциплинарной структуре? Возможна ли алгоритмизация в культурологическом познании?

Обсуждение

Обсуждение предложенных вопросов начал **В. Н. Порус**, предложив разделить два основных подхода к определению культуры, и в зависимости от этого и определять и понимание культурологии. К одному типу подходов относятся все те определения культуры, которые понимают культуру как вторую природу, все то, что делает человек в отличие от естественного хода мировых событий. Ко второму типу можно отнести подход, который был когда-то инициирован классиками немецкой философии от Канта до Гегеля: понимание культуры как совокупности универсальных ориентиров мышления, поведения, деятельности. Если принять такой подход, то культурология — это область междисциплинарных исследований, проводимых различными науками о культуре. Что касается философии культуры, то она интересуется культурой именно во втором, кантовско-гегелевском смысле, как системой универсально-ценностных ориентиров, наличие и принятие которых определяет в основном всю систему жизнедеятельности людей, так или иначе относящих себя к этой культуре. Нельзя сказать, что эти области не пересекаются. Границы между ними условны. Здесь важнее обратить внимание на решение конкретных проблем, которые и диктуют, какие интеллектуальные ресурсы следует привлечь.

Л. М. Мосолова выразила несогласие с точкой зрения В. Н. Поруса и отметила, что она не преуменьшает значения прикладных вопросов, но заниматься практическими проблемами в культуре не разрабатывая теории, по меньшей мере, странно. Выступившая отметила, что Ю. Н. Солонин говорил о двух основных подходах в изучении культуры: феноменалистском и эссенциалистском. Согласно этим подходам обозначились две точки зрения на культурологию.

1. Культурология не должна иметь никаких границ, это парадигма, в которую нужно включать все — публицистику, мистику, эссе, экзистенциальную проблематику в той мере, в какой она рассуждает о проблемах культуры. В этих рамках существует невероятное количество дискурсов, естественно, и, постмодернизма. Такую точку зрения отстаивают А. П. Марков, А. С. Запесоцкий и его школа.

2. Культурология — строгая наука, это учение о культуре как о системно-целостном явлении (М. С. Каган). В этом смысле она отличается от философии культуры, которая является дисциплиной мировоззренческой. В философии культуры много концепций и школ, которые и решают вопрос о сущности культуры, и задает горизонты для ее научного исследования. Но что касается культурологии — это учение о культуре как о системно-целостном явлении, которое развивал М. С. Каган. При этом, отметила Л. М. Мосолова, культура не редуцируется к искусству или артефактам второй природы. Культура это то, что отличает человека от животного. Это способ эволюционной самоорганизации жизни на разных этапах истории. Так определял культуру Э. С. Маркарян. Деятельностный подход дает возможность охватить культуру в целом — результаты всей деятельности человека (духовной, художественной, материально-технической и др.). Говоря о взаимосвязи культурологии и философии культуры, Л. М. Мосолова отметила их разные проблемные поля, разные методы исследования и три уровня постижения культуры: первый уровень — культуроведение (все частные науки о формах культуры, поставляющие колоссальную эмпирическую базу); второй уровень — собственно культурология, занимающаяся генерализацией; наконец, третий, самый абстрактный уровень — философия культуры. Каждый из этих

уровней исполняет свои функции в познании. И так же как философия естествознания не заменяет естествознание, а социальная философия не заменяет социологию, точно так же философия культуры не может заменять культурологию. Говоря о дуализме наук, выступившая поддержала точку зрения Э. С. Маркаряна, который, в отличие от баденской школы неокантианства, полагал, что можно обобщать и индивидуальное, уникальное. Такая индивидуализирующая генерализация и присуща культурологии.

Л. А. Коробейникова обратилась к сравнению российской культурологии с англо-американской традицией *cultural studies*, которые напоминают «культуроведение» в интерпретации М. С. Кагана. *Cultural studies* представляют собой некое мультиплицированное поле исследований, включающее разные теоретические дисциплины и методологические перспективы. Это и культурная антропология, и этнические исследования, и феминистские концепции, и социальные теории, и политические теории, и исследования коммуникаций, и литературоведение, искусствоведение, и политико-экономические концепции, изучение культурных паттернов в разных обществах, теории глобализации, неолиберализм, неоконсерватизм (американский вариант), интерпретации марксизма, консьюмеризм, современные исследования культурных артефактов и многое другое. Отечественное культурологическое знание, также включающее в себя множество дисциплин, но оно тяготеет, однако, к большей структурированности, которая проявляется уже в том, что дисциплины, изучающие культуру, обычно подразделяются на два больших блока: история культуры и теория культуры. Если сравнивать российскую культурологию и *cultural studies*, наверно, единственное их сходство обнаружится в тяготении к междисциплинарности. Но на самом деле это дисциплины разные. Различие их проявляется в двух моментах: в содержании знания, т.е. в выборе дисциплин, изучающих культуру и в ориентации знания. Отечественное культурологическое знание более абстрактно и более ориентировано на диахронию, на историческое измерение, чем на исследования современной культуры, хотя в последнее время интерес исследователей к современной культуре возрастает. Западные культурные исследования вообще не затрагивают историю культуры и в основном направлены на эмпирическое изучение культуры, охватывающее небольшой исторический период — начиная с середины XX в. по настоящее время. При этом для *cultural studies* характерны интерпретации культуры сквозь призму политических теорий с установкой теоретиков отделить культурный тезис от культурного эссенциализма, утверждающего общую значимость культуры для нормативного теоретизирования. Наконец, теории глобализации в двух версиях: универсалистская глобализация, когда весь мир понимается как гомогенный, скроенный по западному образцу, и мультикультурный вариант глобализации, учитывающий многообразие культур. Научная проблематика культурных исследований столь разнообразна и включает в себя столь необъятный круг проблем, что представляет собой некий конгломерат достижений разных наук, которые сложно поддаются классификации. Вопрос о целостности культуры здесь отсутствует. Они являются как междисциплинарными, так и антидисциплинарными, причем настолько смешаны, что их трудно квалифицировать и как строгий научный дискурс, и как философский.

В. М. Монахов в своем выступлении усомнился, можем ли мы говорить о дисциплинарных границах культурологии и ее собственных методах. Может быть, таковые и возникнут, а может быть, и нет. Он говорил об условности границ в реальности и сравнивал их с мембраной, имеющей свойство и разделять, и обеспечить

граничную пропускаемость через границу. Более ясна выступившему оказалась перспектива междисциплинарности, которую он определил как условность границ и взаимодействие на разных уровнях. Культурология представляет собой систему, в которую входят разные гуманитарные науки. С ними она взаимодействует на разных уровнях. Относительно стратегии познания мира В. М. Монахов рассуждал о разномасштабности взгляда на мир, разделяя известный в научном познании системный подход. Приводя разные примеры, в сущности он говорил о таком системообразующем принципе, как активный центр.

Г. Л. Тульчинский, обратив внимание на растущий интерес к культурологии, констатировал, что отечественная культурология еще не готова ответить на вызовы времени, хотя начиная с работ Э. В. Соколова, М. С. Кагана из разнородных ингредиентов стала вырастать не просто междисциплинарность, но и нечто инвариантно дисциплинарное. Но до сих пор кто-то преподает ее как классовую культуру, другой пересказывает Л. Н. Гумилева, третий пишет о «диалоге культур», «мультикультуральности», четвертый знакомит с идеями А. Тойнби, пятый – о языках, шестой о социальной информации и коммуникации, или, очевидно, признавая собственное интеллектуальное бессилие, пишет и читает историю культуры, или историю художественной культуры, а то и просто искусств. М. С. Каган предложил различие «культурологии» и «культуроведения». Различие «культурологии» и «культуроведения» в принципе соответствует зарубежному различию уважаемых theory of culture и cultural studies. И если оставить за cultural studies («культуроведением») историю культур, их полевые исследования, прочую фактографию и описательность, то культурология предстает как «теория культуры» — наука о формировании и развитии самого феномена культуры, их механизмах и процессах, действующих в социо- и этногенезе, политической сфере и бизнесе. В этом плане наиболее удачным представляется предложенное Ю. М. Лотманом понимание культуры как внегенетической системы наследования опыта. Перефразировав его, можно сказать, что культура представляет собой систему порождения, отбора, сохранения и трансляции социального опыта. Такая трактовка включает в себя как ценностное, так и деятельностное (технологическое) и «человекотворческое» понимание культуры. В этом случае снимается методологический «дуализм» и открываются горизонты широкого междисциплинарного синтеза в анализе культуры, точнее — ее многообразных проявлений и функций. А такой синтез не может обойтись без философского осмысления как самого феномена культуры, так и путей его изучения. Сам предмет культурологии возникает на пути междисциплинарного синтеза. Речь идет о ценностно-нормативной сердцевине любой культуры, которая всегда предстает как ценностно-нормативная система.

Б. И. Липский свое выступление начал с полемики и выразил сомнение в тезисе Л. М. Мосоловой, согласно которой коль скоро культура представляет собой целостную систему, то должна существовать единая теория культуры. Он вспомнил об истории формирования культурологии как науки на рубеже XIX–XX вв., о том, что пока классическая философия исходила из монистической картины мира, которая опиралась на универсальность онтологических постулатов, универсальность методологии познания, универсальность системы ценностей, для культурологии места не было. Такое место возникает тогда, когда появляются работы, рассматривающие развитие культуры не столько как процесс конвергентный, сколько как процесс дивергентный (О.

Шпенглер, Н. Я. Данилевский, А. Тойнби и др.). Тогда начинают формироваться представления о локальных системах: и онтологических постулатах, и методологических принципах познания, и ценностных ориентациях. В связи с этим он обратил внимание и на «осевое время» К. Ясперса, одну из концепций, объясняющих точку бифуркации – переход от мифологического мышления (архаического способа «упаковки» опыта) к философии. При этом выступающий отметил, что с одной стороны Ясперс предлагает отказаться от линейной концепции, трактующей Китай, Индию и Западный мир как восходящие ступени социального прогресса, а с другой – он продолжает признавать западноевропейскую модель исторического развития как образец. На самом деле, в мировой истории мы имеем дело не с конвергентной, а дивергентной моделью, предполагающей возможность различных цивилизационных стратегий. Наличие и характер расхождений связаны со спецификой разных образов мира, которые формируются при переходе от мифологического к метафизическому способу построения мировоззренческих конструкций. Эти ментальные различия не только в прошлом оказали влияние на цели и жизненных ориентиры этих цивилизаций, но и ныне остаются регулятивами исторического развития конкретной цивилизационной модели, выявляя свои характерные сильные и слабые стороны. Следовательно, возвращаясь к культурологии, когда начинается формирование представлений о локальных системах, локальных культурах, у нас возможны различные культурологии, вырабатывающие свои системы познания: и методологические, и ценностные, и организационные. Поэтому отсутствие единой системы категорий, отсутствие единого категориального аппарата еще не делает часть науки не наукой. Разные культурные тренды обладают настолько собственной спецификой, что для них необходимо вырабатывать свои системы познания: и методологические, и ценностные, и организационные. Более того, исследовать можно как с точки зрения европейской культуры, так и с точки зрения китайской или индийской культуры. И это будут разные системы. Все культурологические исследования вокруг предмета объединяются не наукой. Все культурологические исследования объединяются вокруг общего предмета, но методология исследования, система ценностных ориентаций различны. То есть универсальной общей теории культуры, в смысле общей теории всего, в отношении культуры создать, скорее всего, не удастся.

И. Б. Ардашкин присоединился к мысли В. Н. Поруса об ориентации культурологии на практические проблемы, но в то же время обратил внимание и на парадоксальную ситуацию, которая складывается вокруг культурологии в технических вузах в связи с принятием нового федерального государственного стандарта. История, философия, иностранный язык остаются обязательными дисциплинами, а культурология выпала из ряда таковых. Поэтому в технических вузах сейчас ведутся поиски ее «полезности»: если культурологическое знание оказывается невостребованным в рамках технических проектов, бесполезно в решении технических задач, то оно и не нужно. Выступивший подчеркнул, что найти свое место в структуре знания культурология может только через проблемно-ориентированный подход. Если она сможет каким-то образом присоединиться к практическим (действующим) проектам, показать свою полезность, то ее значимость будет подтверждена. И тогда будущее у культурологии есть. Близка выступающему оказалась и другая точка зрения, согласно которой культурологии как таковой нет, есть много культурологий. Мотивируя это, выступающий сослался на работы Е. А. Торчинова о разном понимании религии, напр., в европейских культурах и на Востоке. Тоже самое и с культурой. В таких вопросах определиться с терминологией

очень сложно. Поэтому всеобщая культурология, может быть, и не нужна. Если не ограничиваться «полезностью» культурологии для технических проектов, то одну из возможностей практической значимости культурологии он усмотрел в «выстраивании» какой-то общности людей, например, для нашей российской самоидентификации.

Л. Г. Тоноян высказала мысль, что при всей сложности с вопросом определения культуры, он остается основополагающим понятием культурологии. Без ответа на вопрос «Что есть культура?» невозможно двигаться дальше. Она предложила вспомнить историю понятия и этимологию слов «культура» и «культ». С точки зрения культурологии речь должна идти прежде всего о культе, о возделывании личности каждого человека. Понятие «личность» сформировалось в философии религии Августина Блаженного и Боэция: человек как личность стал определяться как образ и подобие Бога. В этом смысле можно поставить высочайшую задачу для культурологии: поиск путей приближения этого образа к первообразу. Исходя из такого понимания, выстраивается целая иерархия дисциплин, «возделывающих», возвышающих человека. Такая задача делает практически любое знание, которое мы преподаем. Выступающая акцентировала, что в первую очередь надо договориться об этимологии понятия «культура». Если мы не договоримся об этом, то вряд ли можно говорить о других вопросах.

Относительно необходимости определить «культуру», **Л. Г. Тоноян** поддержал **Э. Ф. Караваев**, который, в то же время возразил против «религиозного» истолкования «культуры» и вспомнил связь этого понятия с «агрокультурой», с возделыванием земли, уходящую в древнегреческую традицию. Относительно дисциплинарности культурологии он полагал, что пусть с некоторым преувеличением, но десять лет назад **С. С. Гусев** справедливо подметил нечто такое, что не изменилось существенным образом к настоящему времени. **Э. Ф. Караваев** напомнил куновские характеристики дисциплинарной матрицы, а также критерии науки: систематичность, воспроизводимость, выводимость, прогнозирование, обобщение, проблемный характер знания, принципиальную проверяемость, критичность, ориентацию на практику. В культурологии, ее сегодняшнем состоянии, они реально не применяются. Говоря о специфике социально-гуманитарного знания, выступивший подчеркнул, что присутствие субъекта в процессе познания не означает непременно погрешность познания. Причем субъективный элемент не является сугубо специфичным для «наук о духе». Начиная с формулирования «антропного принципа» в астрофизике (**А. Л. Зельманов**, **Б. Картер**) стало понятным, что в «науках о природе» имеет место нечто похожее на то, что казалось присущим исключительно «наукам о духе». Аналогично и в построении эволюционной биологии в настоящее время присутствует «антропный принцип» (**Е. В. Кунин**). Он выразил ожидание, что многое, касающееся терминологии, в изучении культуры, со временем будет разработано, и особо остановился на «таксоне», понятии, которое обозначает группу в классификации, состоящую из отчетливо представленных (дискретных) объектов, объединяемых на основании определенных общих свойств. Задачей таксономии является разработка и (возможное) решение проблемы способа бытия таксона. В разных исследовательских программах она может пониматься по-разному. Выступающий отметил, что таксономия относится к *метаклассификации*. Классификационная работа ведет к изменению как содержания, так и объема понятий, используемых в данной предметной области, иными словами, классификация является как целью, так и инструментом познания. Это известно еще со времен **Дж. Ст. Милля**,

который обращал внимание на то, что классификация заставляет идеи о предметах сопровождать одна другую, дает власть над уже приобретенным знанием и ведет к приобретению нового знания.

Я. А. Слинин прежде всего напомнил, что тема обсуждения— «культурология как строгая наука». Обсуждая науку, строгую науку, надо определиться, что мы имеем в виду под наукой в данном случае. Если строгая, то для нее обязательны самые элементарные логические методы: определение, деление и доказательство. Это те требования, которые логика внедряет в науку. Но начать надо с определения, иначе полемика заведет в тупик. Если культурология, значит это наука о *культуре*, значит, надо прежде всего определить *это* понятие. Определить — означает выявить его существенные признаки. Есть много определений культуры в разных словарях. В словаре С. И. Ожегова сказано просто и, значит, понятно для всех: «культура» — это совокупность достижений человечества в производственной, общественной и умственной области. На самом деле суть дела схвачена. Далее выявляются существенные признаки – есть они или нет. Если они есть, то это и будет предметом культурологии как таковой. Вслед за определением следует операция деления. Мы можем делить на культурологию Китая, культурологию Индии, культурологию Средних веков... А дальше мы доказываем или не доказываем, ибо вид доказательств в гуманитарных и естественных науках различен. Но суть доказательства любого — переходить от истины к истине. Начинать надо с понятия, если его нет, то нет и науки, даже если мы пользуемся этим словом. Это то, от чего предостерегал Аристотель в «Топике» и на что ориентировал и Р. Декарт в «Рассуждении о методе». Если мы можем дать определение и найти существенные признаки культурологии, тогда она как наука будет. А если мы не можем этого сделать, то мы даже не можем по отношению к ней пользоваться понятием наука. В строго научном плане. В таком смысле культурология индийская, китайская и все прочие культурологии пропадают. Зачем логика нам рекомендует это сделать? Для того чтобы знать, о чем идет речь.

Относительно понимания «культуры» участниками круглого стола были высказаны две принципиальные позиции: культура как ценности и культура как сотворенная человеком реальность, т. е. не-природа, которую попытались истолковать как уникальный историко-мировоззренческий горизонт, или как парадигму. Поскольку в философии познания понятие «парадигма» связывается в первую очередь с истолкованием Т. Куна, пришлось пояснять, в каком смысле его употребляют культурологи.

А. К. И. Забулионите отметила, что в отличие от Т. Куна, который понимал парадигму как дисциплинарную матрицу и применял это понятие для анализа научного знания, культурологи говорят о культуре как метафизическом взгляде, обращаясь к мысли Платона, к его пониманию пайдеи как правильности взгляда. Что касается типологического таксона культуры, выражающего целостность и уникальность культуры, то истоки этого понятия также ведут к Платону и Аристотелю, к понятию *παραδίπματοσ* *ἕϊδος*. От представлений Платона о единственном истинном метафизическом взгляде, через идеи Лейбница (монадологию и теорию возможных миров), идею романтиков о культурной определенности бытия, наконец, через феноменологию Э. Гуссерля (сообщество монад), к хайдеггеровскому пониманию «временности» как онтологической структуре трансцендентальной субъективности — формируются представления о плюрализме метафизических горизонтов, о культурах как уникальных горизонтах бытия.

Конечно, и К.Ясперс, который по-другому развивает трансцендентализм Канта. Ясперс в таких понятиях как «мир», трансценденция, экзистенциальная коммуникация как способ «прорыва к трансценденции» по новому осмысливает основные темы всемирной истории И. Г. Гердера. Эти вопросы относятся к философии культуры, от которой оторвать культурологию невозможно. Ибо наука работает с фрагментом реальности, и вопрос целостности вне ее компетенции. Но культурология, если только она понимается не как сумма гуманитарных наук, должна представить свой предмет — целостную культуру. Центральное место идеи целостности в понимании дисциплинарности — это, наверное один из главных признаков петербургской культурологии, во всяком случае того его направления, которое формировалось в плодотворной дискуссии Ю. Н. Солонина и М. С. Кагана. Здесь они были едины. Спор шел о разном понимании и концептуальном выражении целостности — по этому вопросу они разошлись в позициях. Имея в виду центральное место идеи целостности в понимании дисциплинарности культурологии, я и предложила идею типологического моделирования в культурологии — построение ситуативной модели, которая контролируется в двойной перспективе: с одной стороны, стандартами научной рациональности, с другой — реконструкцией историко-мировоззренческого горизонта уникальной культуры.

В. Н. Порус, придерживаясь ценностного истолкования культуры, оттолкнулся от мысли Т. Гоббса о необходимом характере природных законов и системе культурных ценностей, которая по отношению к индивиду (или группе) обладает силой принуждения. Ценностные ориентации в культуре поддерживаются только благодаря тому, что их принимает большинство, подчиняющее себе меньшинство в том случае, если последнее оказывает какое-то сопротивление. Культурные ценности являются ограничителями природных страстей, влечений и желаний человека. В этом смысле они суть регулятивы, которые образуют программу «окультуривания», «очеловечивания». Но люди не пассивны, не равнодушны к этой программе. И когда люди находятся под властью жизненных порывов, ценностные ориентации могут осознаваться как рамки, в которые культура втискивает насильно их волю, чувства, стремления. Но культура устанавливает именно те условия, при которых сталкивающиеся между собой различные (и даже враждебные) воли, не аннигилируются, а сходятся в «великом культурном компромиссе». За этим следит «Левиафан» с его законами и охранительными структурами. Стало быть, культурное бытие — это взаимное приспособление всеобщих ценностей и принципов, с одной стороны, и частных устремлений — с другой. Поэтому судьба культуры зависит от того, насколько это возможно и удачно. Если нарастают конфликты, противоречия, сознание людей мечется, то культурные принципы перестают быть скрепами общественной жизни и ориентирами поступков, тогда их ценность падает. Наступает кризис, упадок культуры. Человек перестает осознавать свою культурную идентичность как ценность. Напротив, культуру он воспринимает как то, что его соединяет с упадком, с кризисом, как прах старого мира, который нужно поскорее отряхнуть со своих ног. Отсюда следует, что культурная идентичность есть ценность только при относительно устойчивом равновесии между принципами и ценностями культуры и системой жизненных устремлений. Такое равновесие поддерживается целенаправленно длящимися совместными усилиями. Именно эти усилия составляют суть культурной самоидентификации. Культурная самоидентификация — это не результат какого-то «одноразового» выбора, а постоянный процесс самоутверждения в этом выборе. В

таком случае перед философией культуры и перед науками о культуре (культурологией) открывается новое проблемное поле. Надо не только исследовать, как культурные ценности входят в структуру сознания индивида и социальных групп, образуя каркас, на котором это сознание держится. Не менее но и важно понять и то, что происходит, когда каркас подменяется симулякрами ценности. Если верно, что субъект и культура взаимоопределимы, то субъект-симулякр неотделим от культуры-симулякра. Они порождают друг друга, и это свидетельствует о смерти субъекта и конце культуры. Возможна ли постсубъектная и посткультурная идентичность? Хотелось бы, чтобы ответ был отрицательным. Но если ответ положительный, тогда все, сказанное раньше, надо забыть. Говоря о культурологии, В. Н. Порус отметил, что она является одним из самых очевидных примеров постнеклассического научного исследования. Ее важнейшая характеристика заключается в том, что цели и ценности исследователя определяют результаты исследования. В этом смысле выбор философии культуры лежит в основании выбора исследователем той или иной культурологической теории. Именно философия культуры дает культурологу набор интерпретаций культурологических фактов. Поэтому конкуренция культурологических концепций во многом зависит от конкуренции культурфилософских оснований.

Рассуждая о критериях науки применительно к культурологии **С. С. Гусев** полагал, что предложение М. С. Кагана о разведении двух областей познания «культуроведение» и «культурология» — в определенной степени может соответствовать двум связанным между собой, но и обладающим некоторой автономностью сферам науки — «история науки» и «философия науки». Он полагал, что несколько схематизируя, можно говорить об истории науки (и, соответственно, культуроведении) как о комплексе познавательных действий, направленных на изучение различных форм проявления конкретных процессов жизни науки в целом (и функционирования культуры в частности). Тогда сфера философии науки (в данном случае «культурологии») связана с выявлением универсальных характеристик изучаемого объекта и созданием его обобщенных моделей. В этом смысле культурология должна заниматься анализом теоретических оснований представлений о *разных типах культуры* и изучением факторов, определяющих как переход от одного типа к другому, так и взаимодействия сосуществующих в рамках одного социально-исторического интервала. С. С. Гусев обратил внимание на трудности, которые порождаются отсутствием общепринятого, однозначного определения понятия «культура». Один из возможных путей преодоления данной трудности может быть связан с нахождением специфики культурологической ориентированности. Философия науки задает видение этого типа познания как деятельности по производству специализированных знаний. Собственно научное познание выводит на первый план изучение устойчиво повторяющихся процессов жизнедеятельности природного мира. Поэтому естествоиспытатель стремится сформировать некий универсальный обобщающий закон, с помощью которого удастся связать множество эмпирически фиксируемых явлений. Однако нормы социального поведения в разных культурах и в разные исторические периоды могут существенно различаться, что существенно затрудняет создание их обобщенной модели. Представляется, что в сфере культурологии основным познавательным методом может стать «ситуационная логика», позволяющая выявлять контекстуальные особенности проявления общекультурных факторов. Типологизация культурных ситуаций должна обеспечить выявление определенных инвариантов, регулирующих различные формы культурной жизни. Тогда целью культурологического поиска должно стать решение

проблемы *взаимной достижимости «возможных миров»*, выражающих реальное функционирование разных форм культурной жизнедеятельности. Создание модели таких связей должно способствовать формированию культурологии в качестве «парадигмальной» науки.

Выводы

Результаты круглого стола подвела **А. К. И. Забулионите**. Она отметила, что по обсуждаемым вопросам: об определении культуры и научных образах культурологии в России и других странах, о научном и дисциплинарном статусе культурологии, о соотношении культурологии и других наук, о взаимодействии культурологии и философии культуры были высказаны разные мнения и аргументы. Была сформулирована мысль, что определение понятия культуры сохраняет свою актуальность и на современной стадии развития культурологии. От него зависит определение её дисциплинарного статуса (В. Н. Порус, Я. А. Слинин, Л. Г. Тоноян, И. Б. Ардашкин). Утверждается теоретический статус культурологии, её направленность на целостное понимание культуры (Л. М. Мосолова, Г. Л. Тульчинский, К. И. Забулионите), что отличает её от *cultural studies* (Л. А. Коробейникова). Высказано суждение, что культурология и философия культуры – разные области знания с различными проблемными полями, методами и исходными определениями культуры (Л. М. Мосолова, В. Н. Порус). В то же время была поставлена задача их сближения. Предложена идея типологического моделирования, предполагающая возможность исследования культуры в двойной перспективе: с точки зрения научной рациональности и учёта мировоззренческих горизонтов культур (А. К. И. Забулионите). Целостный подход к исследованию культуры невозможен в рамках противопоставления этих перспектив. Наряду с этим, высказано мнение, что культурология остаётся областью междисциплинарных исследований, проводимых разными науками о культуре (В. М. Монахов). К ней неприменимы характеристики дисциплинарной матрицы Т. Куна (Э. Ф. Караваев). Сформулировано суждение против единой теории культуры: могут существовать различные культурологии (Б. И. Липский). В то же время сделано предположение о том, что основным методом культурологии может стать «ситуационная логика»; типологизация культурных ситуаций способна обеспечить выявление инвариантов: культурология имеет перспективу стать парадигмальной наукой (С. С. Гусев). А. К. И. Забулионите отметила, что обсуждение получилось содержательным и интересным. Разумеется, вопросы дисциплинарности российской культурологии, которая сегодня переживает этап активного формирования, остаются открытыми, и нам никуда не уйти от их обсуждения. И особенно приятно, что к этим вопросам сегодня обратились не только культурологи, но и специалисты, интересы которых сосредоточены в разных областях философского знания: логики, философии науки, онтологии и теории познания. Она поблагодарила всех участников за высказанные позиции и выразила надежду, что подобные встречи будут иметь продолжение и в будущем.